

ДАРЬЯ ПАНТЕЛЕЕВА. ЧЕТЫРЕ ЭССЕ В ЭМИГРАЦИИ.

ПТИЦЫ

Птицы. Куда они летят? Зачем они летят?

Об этом написано много стихов, пьес, романов. Еще Аристофан задавался вопросом - похожа ли человеческая жизнь на жизнь птиц.

Как и люди, птицы стараются летать, чтобы увидеть более полную картину мира с высоты своего полета. Но в отличие от птиц, мы не можем взлетать каждый день, чтобы оценить происходящее вокруг.

На протяжении многих дней и часов, мы стараемся узнавать информацию из многочисленных источников, окружающих нас и анализировать ситуацию, чтобы понять, как двигаться дальше, а самое главное - куда.

Возможно, всю свою жизнь мне приходится вести себя подобно птице, одной из немногих, примыкающих то к одной подходящей, то к другой стае. Перелетая с места на место, я стремлюсь найти то единственное идеальное пристанище, где буду чувствовать себя защищено, сыто и свободно, где я смогу продолжать жить полноценно и не бояться, что мне свяжут ноги или обрежут крылья.

Птицы. Зачем каждый год они летят в другие страны? Кто-то потом возвращается назад, а кто-то продолжает путешествовать дальше в поисках более благоприятной обстановки.

В детстве мы слышали много песен про перелетных птиц. Но ведь перелетные птицы почти всегда возвращаются обратно. Никто не пишет песен про кочующих птиц.

Теперь мне кажется, что я и есть та самая кочующая птица, ищущая какой-то другой, неведомой, настоящей жизни.

На протяжении многих лет я совершала многочисленные перелеты из одного российского города в другой в надежде найти место, где можно осесть и продолжить жить, не существовать, а именно жить, со всеми последующими составляющими для настоящей жизни. Но каждый раз находила только новый порт-приписки. Тогда я ещё верила, что на просторах моей родины смогу обрести это самое пристанище, в каком-нибудь укромном далеком уголке, куда, как мне казалось, ещё не дотянулась рука всевластия и безнаказанности.

Каждый раз, прибывая на новое место, я понимала, что глубоко ошиблась, и несмотря на это продолжала искать уголки человечности, свободы и справедливости.

Именно сейчас, к сожалению очень и очень поздно, мне приходится признать, что я оказалась неправа и была глупа в силу своей наивности. Вернее я многое понимала и многому противостояла, но, как и любой птице, мне было проще улететь в другие края и искать свои идеалы в другом месте.

Настали времена, когда похожих на меня птиц стали отстреливать. Эти птицы другие, у них свои гнезда, свои стаи и свои интересы, но они тоже птицы. Нет, не тоже! Они - птицы!

Теперь мы вместе с ними, вернее одновременно, улетели в далекие края. Никто из нас не знает, вернемся ли мы обратно на насиженные места, останемся ли кочующими птицами или оседем на новых территориях. Но мы точно знаем, что всегда останемся птицами с возможностью летать и делать выбор в собственной жизни.

КОРЕНЬ ДЕЛЕНИЯ. ТЕЗИСЫ.

"Относись к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого не только как к средству, но и как к цели." (Категорический императив. Иммануил Кант)

Мне всегда было легко, безопасно и комфортно в обществе, которое не делит тебя по признакам национальности, религии, предпочтений, взглядов, не относит к определенному сообществу, не ставит рамки, не требует компромиссов и не просит промолчать.

К этому ли обществу мне хотелось стремиться? Скорее да, чем нет. Возможно оно пока только в голове.

Мои убеждения могли меняться, как и менялся образ жизни, который обнулила ещё одна война. Остановила всё в точке невозврата, вынудив спасти только человеческое, неприкосновенное, но быстро ускользающее, если отвлечься даже на короткое время. Убеждения быстро разлетелись на куски, как разбитая на крохотные осколки посуда во время семейной ссоры.

Однако что-то удалось спасти - жизнь любого человека, свобода и право на выбор - ценности, не подлежащие покушениям.

Убив одного, ты как минимум убиваешь сразу двух - убитого и себя. Убийство во благо = зло (кроме разве что самозащиты).

Принуждение отказаться от своих собственных индивидуальных ценностей = зло. Покориться бытию, превратить себя в простого наблюдателя без права на выбор = зло.

Присваивая близкую себе идеологию - либеральную ли, тоталитарную, демократическую или какую-то еще, человек неосознанно начинает рисовать в своем воображении врагов, делить людей на своих и чужих, создавая дроби, где вместо чисел, появляются люди. Мы не они, а они не мы. В результате само деление приводит к воображаемому превосходству над кем-то, кто не похож на тебя, кто думает по-другому, говорит на другом языке, имеет другой вкус и предпочтения,

молится другим богам, имеет другой цвет кожи, другие сексуальные стремления. Но ведь и мы, и они люди.

Как только это деление происходит, появляется неосознанное противостояние со временем перерастающее во вражду, а потом и в войну. Возникает новое уравнение.

Уравнение или уравнивание? Сначала уравнение, а потом уже постепенное уравнивание по схожести основных черт, в зависимости от полученного результата в процессе решения задачи.

Вавилонская башня всему виной?

В этом году быстро и грубо уничтожена красная линия, которая волей - неволей создает новые деления людей, подкидывая всё больше уравнений для решения.

Корни ужасов 20 века стали прорасти, точнее уже разрывать землю, на тех плодородных почвах, где этого не ожидали.

Всего лишь ресентимент?

Глупо, обидно, поздно, стыдно рвать на себе волосы и кричать: "Как это произошло? Почему мы этого не заметили?"

Но это произошло. Наполненный идеями Ивана Ильина, русский фашизм корнями пророс там, где когда-то считали, что победили его?

А победили ли? Или скорее убедились, что так можно? Можем повторить... Только уже приняв совсем другую сторону.

Больше 20ти лет "герои" Суровикины и Будановы своим примером показывают, что могут.

Крики с экранов телевизоров про загнивающий запад с вырубленным Тиргартеном. Танцы с бубнами уже в прямом, а не переносном значении. Распятый ребенок, которого так никто и не видел. Новояз. Активно уничтожающие традиционные ценности и семейные скрепы лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, небинарные люди. Конечно, англосаксы, куда без них... Сатана, Люцифер, Иблис.

Чуть меньше ста лет назад коммунизм, захватывающий всё и всех в мире. Евреи с мировым заговором. Опять же несчастные геи. И все, кто не соответствует великой расе...

Национальные меньшинства отстаивают право на собственное независимое существование, самоопределение и жизнь. Хотя я и не люблю термин "меньшинства" по отношению к людям, потому что в принципе не верю в само деление на большинство и меньшинство. Цифры всегда могут поменяться.

Человеческая свобода и разум подрывают самих себя? Постоянная ложь, передевающаяся то в один, то в другой наряды, приставка "де" ко всему подряд, куски мрамора, возведенные в ранг идолов и сравнимые с чем-то живым. Историческая память, замазанная кипящей пеной у рта словами "доблесть", "благородство", "освободители", "защитники". Слова = оружие : слова = пустой звук.

К чему приводит молчание и покорность?

Меня не трогают и ладно. Всегда терпели и сейчас потерпим. Мобилизовали мужа соседки, но не моего же. Я всё равно не могу повлиять на это. Промолчу, лишь бы меня не трогали. = Война. = Сын избит. Отец замучен. Муж убит. = Мёртвые и безжизненные тела со всех сторон.

Как избавиться от ненависти к ненависти? Возможно никак, пока существуют законы человеческого деления, а ЧЕЛОВЕК не станет целью.

Корень деления = превосходство.

PS.

Законы деления:

Деление должно быть соразмерным.

Деление на каждом этапе должно производиться по одному основанию.

Члены деления должны исключать друг друга, не пересекаться.

Деление не должно быть скачкообразным.

ПОД КУПОЛОМ АРКТИКИ

Пока идет война, я спряталась под невидимым куполом на краю света и наблюдаю сквозь толстую лупу за остатками человеческой доброты и разумности вне пределов моих личных границ. Убежав от активной или пассивной агрессии, я укуталась в одеяло из невероятной природы, которая стала моим учителем и другом.

Война своим нелепым осколком порезала меня на мелкие кусочки и полтора года съедала изнутри подобно птицам, которые выедают сначала внутренности, оставляя только скелет. Никакой целостности. Только обугленные части прошлого, жутко пахнущие опаленными детскими волосами, оставленными в конверте на память.

И вот я неожиданно оказалась в своем собственном стеклянном пространстве, которое до сих пор боюсь разбить. Оно хрупкое как хрусталь, но толстое как кора земли, защищающая все живое от жара магмы.

Остатки человека внутри меня прятались долго и глубоко до тех пор, пока не появился этот купол. Он спас меня. Спас от себя. И мне кажется, что только сейчас я могу чуть более спокойно говорить о войне.

Война перевернула мое понимание о жизни, которой я когда-то жила. Теперь это моя прошлая жизнь. Свою новую жизнь я начинаю здесь, под куполом. Он когда-то исчезнет. Но сейчас без него страшно. Его неизбежное появление помогло мне не потерять те крохи собственного я, которые ежедневно растворялись в буднях реальности.

Бесконечное ожидание чего-то. А чего? Просто ожидание. Оно ужасно.

Я спряталась от самой сущности ожидания и растворилась в жажде жить, в скалах и цветах, в растениях и птицах, в ярком солнечном свете и бликах воды, в розовых

закатах и хрупких камнях, в чувственности и нежности, в своем женском неугомонном стремлении переродиться и переродить, в игре облаков со своенравным ветром, в странных пятнах, бросаемых тучами на открытую поверхность, в преломленном свете и геометрии теней, в острых льдинках, смешанных с напористым дождем, в заброшенных следах существования когда-то живущих людей...

Растворилась... Я оказалась под куполом, словно под тонким прозрачным шифоном, где нагая чувствую себя абсолютно защищенной. Я обнажена в своей открытости и честности, и я могу быть собой. Могу быть спрятана под еле заметным слоем ткани, согревающим мое существование.

Как же я привыкла к своему куполу. Полюбила его. Я больше не хочу остаться без него. Я меняюсь. Меняюсь быстро, но чувство постоянной влюбленности делает эти изменения только радостнее и приводят к принятию себя безболезненно.

Через странную увеличительную линзу я наблюдаю за тем, что происходит вокруг меня, за тем, что происходит в мире. Теперь я сторонний наблюдатель. Моя ранее бесконечная усталость быть участником неподвластных мне событий прошла, но я всё равно хочу продлить этот миг наблюдения. Я пока не хочу снова оказаться в круговороте боли, чужой агрессии, где постоянно приходится прибегать к самозащите. Не могу. Ещё не готова. Не готова осознать, что это неизбежность, и всё равно когда-то наступит "снова". Оно постепенно уже наступает. Опять теряются слова, иногда превращаясь в еле слышный шепот, и упираются своим дыханием в родинки на щеке любимого человека.

Я не хочу, чтобы мой купол исчез. Ведь справедливости всё равно нет. Люди ее просто выдумали. Может быть, они выбрали справедливость в качестве прикрытия своих злодеяний и используют это понятие в зависимости от надобности? Люди часто совершают поступки во имя справедливости. Но где грань между тем, что мы называем справедливостью и горем, которое приходит к таким же как мы в образе добродетели?

За время, пока я сижу под куполом, началась ещё одна война. Другие продолжаются. У каждого она своя. Их слишком много стало в мире. Я же всегда мечтала, чтобы их не было совсем.

Возможно мы слишком зациклились на чем-то очень хрупком, вследствие опасном, позволяя себе играть разными понятиями и интерпретировать их удобным для нас образом? Возможно эта зацикленность приводит к ненависти и агрессии? Подобно религиозным фанатикам, мы перестаем видеть что-то ещё, помимо собственных догм и стараемся отстоять свои позиции, не замечая, как переходим от защиты в нападение.

Зацикленность даже на изначально хороших и добрых идеях часто в итоге приводит к агрессии.

То, что имело ранее благородные цели, становится наваждением. Зацикленность ограничивает. Уверенность только в своей правоте без возможности осознания других интерпретаций ограничивает. Агрессивное отрицание чужой точки зрения делает бессильным и приводит к ненависти.

Раньше я очень любила спорить, это вызывало во мне азарт. Но сейчас всё совсем по-другому. Я поняла, что спор часто порождает сильные эмоции, вызывающие отрицание, а потом и незначительную аффективную агрессию, как способ защиты себя. Сейчас я спорю редко и всегда с опаской иду на него.

Под куполом Арктики я стараюсь сохранить свой маленький мир, который пока какое-то время не хочет сопротивляться устоявшимся понятиям и потоку быстро меняющихся слов, сбивающихся в стаи фраз и меняющие свое направление в зависимости от навеянной кем-то повестки.

Природа Арктики способствует и помогает бродить мыслям в разных направлениях. Они постоянно на виду, на открытой поверхности, они не могут заблудиться, их всегда видно. Здесь невозможно идти только в одном направлении, и невозможно скрыться от себя, постоянно оставаясь под прозрачным и хрупким как арктический лед куполом.

АНТРОПОМОРФНОСТЬ АРКТИКИ

Наблюдая уже второй месяц за необыкновенными изменениями внутри себя, вызванными магической энергией арктической природы, я как будто чувствую нежное воздушное прикосновение чего-то неосязаемого, похожего на спокойное теплое дыхание возле виска.

С этим чувством я просыпаюсь каждое утро, и от него же с легкой улыбкой засыпаю поздно ночью.

Мне нравится думать, что Арктика имеет женскую энергию, распространяющую свою необъятную заботу на всё, что только можно в себя здесь вобрать. Она дает эту заботу и тем, кто относится к ней с любовью и уважением. Но в то же время, прежде чем установить доверительные отношения с гостем в собственном доме, Арктика проверяет тебя на прочность и честность перед ней и самой собой в том числе. Помимо заботы она показывает и несправедливость, которая заложена в основах самой ее природы, в жизни ее флоры и фауны. Она как сильная, но в тоже время жертвенная и слабая женщина, стоящая на грани выбора между честностью и стойкостью, со скрипом в сердце противоречащая сама же себе. Она всегда двойственна, и не боится этого. Она матриархальная, и именно поэтому черпает силы из самой же себя. Она самодостаточна и амбициозна. Она так сильно хочет жить.

Никогда в жизни я не испытывала настолько приятные и фантастические ощущения от слияния с чем-то антропоморфным. Постоянное эмоциональное и физическое возбуждение преследуют меня ежедневно. Я испытываю чувство абсолютной любви. Я испытываю доверие и отсутствие страха. Мне хочется вдыхать в себя этот воздух так глубоко, насколько только хватит объема моих легких. Я стараюсь запоминать все запахи. Особенно запах воды. Вода здесь особенно меня гипнотизирует. Когда я смотрю на неё, плотную, чистую, но при этом кристально прозрачную, во рту возникает ощущение тающих сосулек, которые я очень любила облизывать в детстве. Я чувствую кусочек льда, по которому медленно вожу языком и ощущаю сладковатый привкус живительной воды. Эта вода такая холодная, такая неприступная, такая зеркальная затягивает мой взгляд

в свои просторы и позволяет пьяниться красотой собственных бликов. Запах рыбы напоминает мне ощущение близости отца, который зашел к нам с мамой в гости после очередной рыбалки. Неприступность скал, местами укрытая растительным мягким ковром, учит еще большей сдержанности и ответственности за себя. Они как будто укутывают меня в свои крепкие объятия и заряжают магнитными волнами восторга, красоты и уверенности в себе.

Своими просторами Арктика провоцирует меня быть более открытой, хотя я и стараюсь найти ту грань, которая позволяет остановиться вовремя, чтобы не навредить себе. Но справляться с этим довольно сложно. И нужно ли?

Люди здесь с виду довольно открыты, но они живут в своем маленьком мире, поэтому умеют контролировать степень своей открытости, чтобы потом не существовать рядом с теми, кто может причинить боль, надавив на те самые больные точки. Открытость нередко приносит боль. Именно поэтому многие предпочитают держать дистанцию, но при этом быть вполне воспитанными, добродушными и молчаливыми.

Честность. Вот что может оказаться здесь полезным, но в тоже время и опасным качеством. Арктика ждет от людей честности. Даже скорее вождедеет. Иногда она отплачивает за нее болью или может ранить. Несмотря ни на что, она ждет правды, твоей правды, предпочитая её чему-либо ещё.

Далеко не все дают ей это. Ведь иногда лучше промолчать перед сильной и властной женщиной, боясь обидеть своими мыслями ненароком. Сильные чаще всего оказываются более ранимыми, хоть и тщательно скрывают подобный факт. Арктика очень хорошо понимает такое.

Я долго пыталась понять, почему люди здесь предпочитают молчать о важном. Наверное они хотели бы быть более открытыми, но не могут себе этого позволить. В прозрачной тишине этих бескрайних пейзажей можно беспрепятственно услышать мысли. Тогда зачем же говорить? Лучше молчать, чтобы не вызывать в людях лишнюю зависть.

Это рождает отражающуюся водными бликами тишину.

Тишина...

Она проявляется в ярком сверкании арктических лучей, в переливающихся красках северного сияния, в шепоте полярных маков и клевера, в прозрачно-чистой луже на прибрежных камнях, в созревающей осенней бруснике, в шуршании морской гальки под ногами, в неслышном дыхании грибов, в сгущающихся звуках ветра и прибоя, в рычании оленей на пристани, в мягком разливе волн от рыбацких лодок, в скрипе металлический корабельных крюков, в медленных движениях крабов в больших пластиковых ящиках, в бульканье реки под мостом, в холодном дожде, настырно падающем на лицо, в скромном потрескивании старого оконного стекла. Эта тишина всегда говорящая. Она как маленькая ласка, живущая под полом

деревянного дома и третирующая охотничью собаку. Её не слышно, но она слишком ощутима, чтобы не обращать на неё внимания.

Именно в подобной тишине можно отыскать все эмоции мира, спрятанные от посторонних глаз. И именно в такой тишине обретается какая-то неведомая любовь ко всему, что тебя окружает, а значит и к себе, появившейся из ниоткуда, такой первозданной в арктической симфонии жизни.

